

После того выстрела Цюаньцзы деревянный лук отняли, сломали пополам и бросили на землю. Подняв обломки, он смахнул наворачнувшуюся слезу. Чжуан Ян ожидал взрыва ярости, но мальчик молча повёл овцу прочь. И лишь отойдя далеко, украдкой вытер лицо рукавом.

Чжуан Ян почему-то почувствовал, что тот выстрел был не промахом, а точным расчётом. Казалось, этот мальчик обладал недюжинным мастерством.

— Брат.

Чжуан Лань подошла, виновато опустив голову.

— Пойдём домой. Больше на Западный берег не ходи.

Чжуан Ян не стал её ругать — дома мать и так отчитает. Пусть воспитанием займётся она.

Пусть этот испуг пойдёт на пользу, а то вечно она шалит да бегает с младшим сыном дяди, попадая в истории.

— Хорошо, — кивнула А-Лань.

Возвращаясь с сестрой, Чжуан Ян взглянул на дом напротив. Слуги говорили, там живут мать с сыном. Сына он сегодня видел, а какая же его мать?

Хотя он и опасался, что мальчик снова возьмётся за лук, если тот придёт просить новый — купить ему. Столь искусный стрелок наверняка любил своё дело, а сломанный лук был ему дорог.

— Брат, мы с А-Ли пошли на Западный берег, а он нас всё гонял. Вот я и решила увести овцу, чтобы подразнить.

Заметив, что взгляд брата снова устремился на противоположный берег, Чжуан Лань тихо оправдывалась. До дома ещё идти, а она уже трусилась, зная, что материнской взбучки не избежать.

— Если бы кто-то забрал всех наших кур, и нам пришлось бы есть только редьку с бамбуковыми побегами, тебе было бы грустно?

Чжуан Лань задумалась. Она не любила размышлять, но слова брата дошли до неё.

— Очень.

Ведь тогда не стало бы куриных крылышек и ножек.

— Пошли.

— Брат! — дёрнула Чжуан Яна за рукав Чжуан Лань. Ей не хотелось возвращаться так скоро — даже её толстокожесть не спасала от материнских упрёков.

— Чем раньше вернёшься, тем раньше отбудешь наказание. Вот бы тебе быть такой же смиренной, как А-Пин.

— Фу, А-Пин — зануда-книжник. Я не хочу быть как он.

Чжуан Лань с презрением отзывалась о третьем брате, который только и делал, что читал да ел

даньбины, редко спускаясь со своего двора, не то что выходя гулять. Если бы он соглашался с ней играть, ей не пришлось бы всё время таскаться к дяде, к А-Ли.

Чжуан Ян подумал, что брату с сестрой не мешало бы поменяться характерами: А-Лань вечно на улице, А-Пин — вечно в доме.

Временами Чжуан Ян всё ещё видел во снах тот день, когда бандиты ворвались в усадьбу, ограбили и убили отца. Кошмары. Тогда А-Пину было всего три года — может, и он что-то помнит.

В этом мире уже счастье — жить спокойно и невредимо.

Цюаньцзы вернулся домой со сломанным луком за спиной, чтобы мать не увидела.

— Цюаньцзы, где шлялся? — матушка Лю, не отрываясь от ткацкого станка, по шагам узнала, что сын вернулся.

— Мама, я на том берегу был.

— Овца опять на чужое поле забежала?

— Нет, пошёл посмотреть, много ли рыбы.

Цюаньцзы не решился сказать правду. Если мать узнает, что он стрелял в людей, побои неизбежны.

Их выгнали из дома как раз из-за того, что Цюаньцзы из лука убил гуся тётки. Та была сварливой, вечно стояла в дверях их дома, распирая бока, и орала, как обычно. Именно потому, что она постоянно унижала мать и поносила его самого, Цюаньцзы затаил злобу и выместил её на гусе.

— Сети-то дома нет, много ли рыбы ни будет — не поймаем.

Матушка Лю покачала станком и грустно взглянула на сына.

Переезд в Деревню Чжу был её решением. Она не могла позволить Цюаньцзы расти среди унижений и брани, но и жить дальше было непросто.

— Дед учил меня из бамбука верши плести. Завтра в горы схожу, бамбука нарублю.

Цюаньцзы умел не только верши делать, но и корзины, и бамбуковые кошелки плести.

— Мама, я за дом схожу, травы накопаю для похлёбки.

Уже после полудня, надо успеть до темноты набрать травы, сварить котелок похлёбки. Светильника в доме не было. Риса и бобов оставалось в обрез — надо дожидаться, пока мать домкёт ткань, чтобы сменять её в лавке семьи У на рис.

Цюаньцзы снял с двери корзину, взвалил на плечо мотыгу и пошёл за дом. После нескольких дней сборов некогда густые заросли поредели. Завтра придётся в горы за побегами, заодно поискать ягоды да грибы. Проклятый лук сломан — ни птицы подстрелить, ни защититься.

В Деревне Фэн Цюаньцзы учился стрельбе у старого солдата. Мать говорила, тот в своё время частенько выпивал с отцом и из старой дружбы согласился мальчика поучить.

На рассвете Цюаньцзы спустил лодку на воду и переправился на другой берег. На поясе болтался ржавый тесак — он шёл бамбук рубить.

На Западном берегу бамбук тоже рос, но на склонах, а берег был пустынным, и тропы туда не было. На Восточном же бамбук стоял прямо за усадьбой Чжуан, и туда вела горная тропа — не надо было продирается сквозь чащу, отгоняя змей да вырубая колючки.

Цюаньцзы прикинул: срубить, дотащить до берега — всего полчаса. К тому времени только рассветёт, и он не встретит детей с Восточного берега. Драки он не боялся, но если пожалуются матери — взбучки не избежать.

В Деревне Фэн у него не было друзей, и здесь, в Деревне Чжу, дети его тоже не жаловали. Ему было всё равно. Тринадцать лет — возраст для игр, но не каждому ребёнку выпадала беззаботная жизнь. Цюаньцзы думал не о забавах, а о еде.

Бамбуковая роща за усадьбой Чжуан уходила вглубь бамбуковых гор, и кроме бамбука там в изобилии водились побеги. Жаль, продать их здесь было не за что.

С тех пор как они поселились в Деревне Чжу, Цюаньцзы частенько ходил в горы за побегами — набирал полную корзину. Варил их в воде и наедался досыта. О вкусе речь не шла.

Цюаньцзы выкопал тесаком несколько побегов, кинул в корзину и принялся за бамбук.

Ранним утром стук рубки разбудил Чжуан Яна. Он спал чутко, просыпался от любого шума. Открыв глаза и увидев, что ещё темно, он поднялся и подошёл к окну, глядя на бамбуковые горы.

В чаще мелькала фигура мальчика. Мальчик рубил бамбук. Силы у него было меньше, чем у взрослого, поэтому каждый ствол поддавался лишь после двух-трёх ударов.

Бамбук в Деревне Чжу не в диковинку, на восточном берегу реки И его и вовсе в избытке, но к роще за усадьбой Чжуан за ним никто не ходил. Мальчик был похож на того, что жил на Западном берегу. Звали его Цюаньцзы.

Имя звучало так же просто, как «Котик» или «Жучка». Судя по виду, жилось ему несладко — наверное, отец рано умер.

Не ведая, что за ним наблюдают, Цюаньцзы продолжал рубить. Срубленные стволы он связал за концы и потащил вниз, обливаясь потом. Среди бамбука он видел лишь изумрудную зелень и постепенно светлеющее небо; а Чжуан Ян наблюдал, как в зелени, окутанной утренней дымкой, движется коричневое пятно — короткая коричневая рубаха мальчика.

Мальчик, таща бамбук, скрылся из виду за окном. Чжуан Ян открыл дверь, вышел на деревянную галерею и стал ждать. Вскоре у противоположного берега причалила лодка. Из дома вышла мать мальчика, и вместе они перенесли бамбук к порогу.

Жизнь среди бамбуковых рощ текла неспешно, день за днём повторяя одно и то же, пока на том берегу не поселились мать с сыном. Чжуан Ян наблюдал за ними с тем же чувством, с каким смотрел на цветение камелий в дождливый день.

Это был вид с галереи. Ранним утром он видел, как Цюаньцзы рубит бамбук, носит воду, пасёт овцу, а потом в его собственном дворе постепенно начиналась жизнь: слуги выходили за водой, подметали.

Цюаньцзы скрылся в доме на том берегу. Чжуан Ян подождал ещё, но тот так и не появился, и тогда он вернулся в комнату, чтобы поспать ещё немного.

<http://bllate.org/book/15945/1425420>